

Рандел, центральный город герцогства Кармин.

В конференц-зале замка, что стоял в центре города и был резиденцией герцога Георга Кармина, собрались три герцога, возглавляющие сухопутные войска, военно-морской флот и военно-воздушные войска.

Во главе стола сидел хозяин замка, Георг Кармин.

Этот зверолод с головой льва и большим мускулистым телом, одетый в военную форму, имел вид воина, прошедшего через множество битв. Зверолоды жили не дольше людей, но даже в свои пятьдесят он не проявлял признаков дряхления. Одного его присутствия было достаточно, чтобы в воздухе царило напряжение.

По правую руку от Георга сидела адмирал флота, Эксель Уолтер.

Прекрасная мизучи с рожками, выглядывающими из синих волос, носила кимоно, по стилю похожее на японское. Мизучи — это раса, живущая более тысячи лет, и герцогиня прожила уже более пятисот из них, но выглядела при этом на середину третьего десятка лет. Однако, вопреки её внешности, её командование показывало весь опыт, который пришёл к ней с возрастом.

Напротив неё сидел маршал военно-воздушных сил, Кастор Варгас.

Он выглядел как галантный молодой человек, но два демоноподобных рога, торчащие из его красных волос, два перепончатых крыла, растущие из спины, и ящерицеподобный хвост выдавали в нём полудракона — драконьюта. Ему было почти сто лет, но, поскольку драконьюты жили до пятисот лет, он ещё считался юным. Вид у него был такой, словно он был сильно не в духе.

Глядя на этих двоих, Эксель вздохнула:

— ...Я думала, что мы тут собрались, чтобы избежать бессмысленной борьбы.

— Что, герцогиня Эксель, боитесь этого щенка? — агрессивным тоном обратился Кастор к Эксель. — Когда-то внушающая страх мизучи герцогиня Эксель постарела?

— О, я? Помнится мне, кто-то пятьдесят лет назад пытался соблазнить эту старушку. Кто же это был, хм? — спросила Эксель

— Кх.

— И, кроме того, ты должен обращаться ко мне не «герцогиня Эксель», а «мама», разве нет?

— ...Да.

Игривым тоном она приструнила Кастора.

По правде говоря, Эксель была первой любовью Кастора. Возможно, из-за того, что он не смог забыть о ней, когда она его отвергла, позже, когда он встретил её дочь Акселу, он влюбился в неё с первого взгляда, и позже они поженились. Короче говоря, Кастор был зятем Эксель, и она была не тем человеком, с которым он мог вступить в спор и выйти из него победителем.

— Кастор, ты всё ещё хочешь противостоять королю? — спросила она.

— Конечно! Меня не волнует, герой он или как ещё его захотят назвать, но этот ложный король захватил трон, принудил принцессу Лисию к помолвке и незаконно правит страной! Как я могу служить такого человеку?!

— Это говорят только дворяне, которые бежали от обвинений в преступлениях, — поправила она его. — Король Альберт отрёкся от престола по собственной воле в пользу человека, которого счёл лучшим преемником. А отношения короля с принцессой Лисией вполне гармоничные.

— Ничего об этом не знаю! Он может просто притворяться! Если он хочет изменить страну, так пусть делает это как вассал! Что было не так с правлением предыдущего короля? — рявкнул он.

Эксель мудро решила промолчать.

«Никаких проблем не было, но то, что и ничего хорошего тоже не было — само по себе проблема», — подумала Эксель, но сказать это вслух было бы проявлением неуважения к предыдущему королю, так что она оставила свои мысли невысказанными.

Эксель восприняла скорость, с которой Альберт отрёкся от престола, подозрительной, но последующие события указывали на то, что это было мудрым решением. В памяти Эксель Альберт не был правителем, способным на подобное решение, но, возможно, он просто вырос как личность.

— Кроме того, мне не нравится, как он высокомерно относится к нам, трём герцогам, долгие годы защищавшим эту страну! — вскричал мужчина. — Письмо, которое он прислал мне, как только он воссел на трон, гласило: «Выбирайте, подчиняетесь мне или нет», представляете?

— Там было написано: «Если поможете мне с моими реформами, я окажу вам продовольственную помощь и проложу дороги к вашим землям»... Разве нет? — спросила она.

В трёх герцогствах население было меньше, чем в королевских землях, и благодаря запасам на армейских складах продовольственный кризис на их территориях был не таким серьёзным. Однако, когда герцогства вскрыли склады и начали нормировано раздавать продовольствие, все торговцы, торговавшие едой, разорились из-за отсутствия спроса. Следующими из-за роста безработицы стали закрываться магазины, поскольку их товары не продавались. Затем, по цепной реакции, разорились ремесленники, которые обеспечивали товарами эти магазины.

В это же самое время Сома выдавал помощь только бедным и не больше необходимого, продвигал потребление продуктов, которые до сих пор не было принято есть, и расширял транспортную сеть страны, строя дороги. Тем самым ему удалось свести к минимуму масштабы экономического спада. Из трёх герцогств только герцогство Уолтер имело независимые морские торговые пути и едва смогло остановить цепную реакцию, продавая излишки своих товаров за рубеж.

«Но я смогла это сделать только потому, что в моём герцогстве есть порт, — подумала Эксель. — Ни у Кармина, ни у Варгаса нет внешних торговых путей. С его большой армией, а также укрывшимися у него дворян с их частными армиями, у Кармина должна быть самая тяжёлая экономическая ситуация. Если это так, то почему Георг так категоричен в противостоянии королю?»

Пока она размышляла, Кастор проревел:

— «Я буду кормить вас как питомцев, если будете слушаться», вот что это значит! Он смотрит на нас свысока!

— Если это ради блага твоего народа... разве не стоит принять это предложение? — спросила Эксель.

— Меня оно не устраивает! Он думает, что ради этих подачек мы будем ходить по струнке?!

— Сомневаюсь, что королю нужно животное, у которого кроме гордости ничего нет, — сказала Эксель.

Кастор ударил обеими руками по столу.

— ...Что с вами сегодня?! Такое чувство, что вы поддерживаете короля! Я знаю, что он вам не нравится, ведь вы проигнорировали его просьбы о помощи!

— Будь добр, не веди себя так, будто мы одинаковые, — сказала она. — Мы, мизучи, во главе угла ставим мир и безопасность нашей любимой Лагуны. Если он гарантирует мне это, я готова ему подчиниться.

У расы мизучи, во главе которой стояла Эксель, была своеобразная система ценностей.

Мизучи прежде всего думают о нуждах своего города, Лагуны. Их предки когда-то жили на одном из Островов Девятиглавого Дракона, но потерпев поражение в войне за правление островами, они ушли в море и стали пиратствовать.

В конце концов, после долгих лет странствий их предки построили базу, которая позже стала городом Лагуна. Мизучи стойко защищали землю, которую они наконец обрели и к которой относились с гордостью и любовью. Единственной причиной, по которой они вступили в объединительную войну, после которой возникло многонациональное королевство Эльфриден, было стремление защитить Лагуну.

— Если это принесёт выгоду Лагуны, я буду вилять хвостом перед кем угодно, а тех, кто будет ей угрожать, я уничтожу, как много бы их ни было. Такова гордость мизучи, — заявила она.

— Ха, вилять хвостом перед кем-то — это гордость? — фыркнул он.

— Да. Я буду сражаться за то, что должна защитить. Я не дитя малое, которое закатывает истерику, если ему что-то не нравится. Если проблему можно решить путём переговоров, то лучшего исхода и быть не может. Будет глупо развязывать внутреннюю войну, когда наши соседи высматривают возможность нанести по нам удар.

— ...Княжество Амидония? — пробормотал он.

Он говорил о стране к западу от Эльфридена.

Потеряв почти половину своих территорий во время экспансионистской политики короля, правившего перед Альбертом, Амидония искала возможности вернуть потерянные земли. Намереваясь вмешаться в противостояние короля Сомы и трёх герцогов, Амидония отправила герцогам письма, в которых говорилось: «Если вы намерены свергнуть ложного короля, мы готовы отправить вам на помощь войска».

— Ха, что за упрямые люди, — фыркнул он. — Очевидно же, чего они хотят.

— Я уверена, что король получил точно такое же письмо, — сказала Эксель. — Не думаю, что он примет предложение, но они могут послать «подкрепления» в любом случае. Теперь ты понимаешь, как глупо будет перессориться друг с другом?

— Хм. Ладно, тогда почему бы вам просто не перейти на сторону короля.

— Есть ещё пара вещей, которые я хочу увидеть и оценить, и затем я приму решение. Пару вещей о короле и о вас.

Эксель направила взгляд в сторону Георга Кармина. После нескольких лёгких любезностей, которые она получила, когда она вошла в комнату, он закрыл глаза и ничего не говорил. Слушал ли он разговор Эксель и Кастора или же думал о чём-то своём? Не мог же он просто спать, но... Такое отношение начало раздражать Эксель.

— Георг, а ты что об этом думаешь? — потеряв терпение, спросила Эксель.

— ...О чём об «этом»?

— О, божечки. Так ты не спал, — сказала она. — Конечно же, я спрашиваю о причине, по которой ты, самый патриотичный и лояльный стране среди нас, враждебно настроен к новому королю.

— Герцогу Кармину не нравится ложный король, так ведь? — спросил Кастор.

— Я не тебя спрашивала, Кастор, — сказала она. — Ответь мне, Георг. Отбросив пока его легитимность, его правление было стабильным. Так почему ты нагнетаешь обстановку?

Допрашиваемый Эксель, Георг медленно открыл рот:

— Я решил, что он не способен править этой страной. Вот и всё.

— Почему? Чем тебя не устраивают его способности, если он скоро преодолет продовольственный кризис и экономические трудности, которые чуть не погубили страну?

— Чтобы добиться этого, этот король от многого избавляется без тени сомнения. — Георг открыл глаза. Одного этого было достаточно, что атмосфера стала ещё более напряжённой.

Эксель и Кастор нервно сглотнули. Георг был самым молодым среди них, но по внешнему виду и мышлению он был наиболее зрелым. Он испускал впечатляющую ауру величайшего воина этой страны.

— Я слышал, что король был призван из иного мира, — сказал он. — А значит, не имея каких-либо привязанностей, он начнёт без сомнений избавляться от того, что считает неэффективным, будь то история, традиция, солдаты или вассалы. Я не прав, герцогиня Эксель?

— Ну... — Эксель поняла, что ей нечего ответить. Да, она могла представить, что правление короля Сомы выйдет на этот путь.

— Король прогнал вассалов, долгое время служивших стране, — продолжил он.

— Он сделал это потому, что они коррупционеры.

— Вы продолжаете говорить это, несмотря на то, что своими действиями он вынудил их

выступить против него? Вы сами только что говорили о глупости ставить страну под удар в такое время, и семена этого посеял король.

— Пусть и так, но это ты приютил этих дворян, — сказала она.

— Недовольные королём — идеальные пешки для борьбы с ним, — ответил он. — Я не намерен восстанавливать их в правах, когда война закончится.

Эксель вздрогнула, увидев, как поднимаются уголки рта Георга. «Он собирается отправить продажных дворян на смерть в этой войне?!»

Он разгромит короля, уничтожит продажных дворян, а даже если они переживут войну, он найдёт повод казнить их. А повод непременно найдётся, ведь они совершили много преступлений.

Таким образом, столица будет очищена от фракции короля и продажных дворян. Останется пустота, на которой он может построить всё, что его душе будет угодно. Он может восстановить короля Альберта в качестве марионетки или даже сам сесть на трон.

Эксель встала.

— Ты совсем с ума сошёл от амбиций на трон, Георг?!

— Э-эй, успокойтесь, — вмешался Кастор, пытаясь сгладить ситуацию. — Вы же говорите о герцоге Кармине. Я уверен, он и не думал узурпировать трон, так ведь?

Георг кивнул.

— Конечно нет. После свержения короля Сомы я верну короля Альберта на трон, которого мы и будем поддерживать.

— ...Ты меня не убедил. — Эксель села обратно. Она притворилась спокойной, но на самом деле она была очень нервной.

«Ситуация ещё хуже, чем я думала. Это худший возможный сценарий... Возможно, мне нужно отталкиваться от того, что Кармин вступил в сговор с Амидонией. Кх, если бы Кастор хоть немного разбирался в людях, то мы вдвоём могли бы взять вверх над герцогом Кармином...» — Эксель проклинала своего зятя за близорукость.

Её дочь вышла замуж за него и вошла в его дом, позже родив ему двух детей. Её беспокоило то, что могло произойти, если она позволит герцогу Кармину победить, но если Эксель будет единственной, кто присоединится к фракции короля, и король Сома победит, то что произойдёт с женой и детьми предателя Кастора? По законам этой страны при совершении серьёзного преступления родственники до третьего колена также считались виновными в этом преступлении. Если она разорвёт связи с домом Кастор, и дом Уолтер сможет избежать причастности, но как быть с Акселей и её детьми...

— Кастор, — сказала она.

— Что?

— Разорви связи с Акселей, Карлом и Карлой.

— Вы же не думаете, что я проиграю этому щенку?! — вскрикнул он.

— Это на случай, если случится худшее. Ты должен учитывать такую возможность, если собираешься пойти против короля.

Эксель посмотрела на Георга, но его глаза были закрыты, как бы говоря, что он не будет вмешиваться. Несмотря на то, что при нём обсуждали поражение... неужели он настолько уверен в себе?

С другой стороны, Кастор, которому сказали разорвать все контакты с женой и дочерью, выглядел обеспокоенным.

— С Акселой и Карлом проблем не будет... но с Карлой ничего не получится.

— Почему?! — потребовала ответа Эксель.

— ...Потому что она никогда меня не слушается.

В этот момент двери зала с треском открылись.

Через открытые двери вошла молодая девушка поразительной красоты. Её огненно-красные волосы и золотые зрачки поражали. На вид ей было лет 16-17. Одетая она была в комплект металлическо-красной тяжёлой брони, а за спиной у неё были пара драконьих крыльев и хвост.

— Карла... — прошептала Эксель.

Эта была дочь Кастора, Карла.

Черты лица она унаследовала от Эксель, и она была прекрасна, но характером она пошла в своего отца. Вместо того, чтобы заниматься свойственными женщинам занятиями, она присоединилась к подразделению ВВС, которое возглавлял Кастор, и тренировалась изо дня в день. Из-за её прекрасного лица множество сыновей дворянских родов пытались привлечь её внимание, но она недвусмысленно заявила: «Я никогда не возьму в мужья мужчину, который будет слабее меня».

Фактически, она была вторым сильнейшим бойцом в ВВС после Кастора, так что все её поклонники так ничего и не добились. У Кастора были противоречивые чувства на сей счёт: он был рад, что она способна постоять за себя, но в то же время волновался, сможет ли она когда-нибудь выйти замуж.

Появление Карлы вызвало у Эксель плохое предчувствие о том, что сейчас произойдёт.

И, как она и ожидала, Карла заявила:

— Бабушка! Если отец решил сражаться, то я буду сражаться вместе с ним!

На лбу у Эксель забила жилка, и она закричала:

— Нет, ты этого не сделаешь! Ты что, планируешь стать предателем в таком возрасте?!

— Я не могу простить ему свержение короля Альберта и принуждение моей подруги, принцессы Лисии! — заявила она. — Я своими руками покараю его за эту дерзость!

— Ты не так всё поняла! — вскрикнула Эксель. — Король Сом...

— Эх... Это бесполезно, мама. Её в таком состоянии не переубедить, — пожал плечами Кастор.

— Вы все... Боже мой...

Даже когда Эксель в ужасе схватилась за голову, Георг не прервал своего молчания.

◇ ◇ ◇

Ван, столица княжества Амидония.

Территория Амидонии была вытянута с севера на восток, а столица находилась в восточной части страны.

Некоторые считали, что Ван располагается слишком близко к Эльфридену, но его выбор в качестве столицы, вероятно, был проявлением их неразрушимой решимости вернуть потерянные восточные земли.

В замке столицы, в рабочем кабинете мужчина средних лет с длинными усами просматривал документы.

Его покрытая мантией фигура выглядела несколько полной, но причиной этому были широкие плечи. На самом деле он не был жирным. Под его мантией скрывалось очень мускулистое тело.

Этим мужчиной был Гай VIII, князь Амидонии.

— Хо-хо... — сказал он.

— Что-то случилось, отец? — спросил стоящий напротив него молодой, чуть старше двадцати лет, мужчина. У него было красивое лицо, но его глаза излучали холод, вызывающий озноб у всякого, кто смотрел в них. Это был наследный принц Амидонии Юлий.

Гай протянул Юлию документ, который он только что читал.

— Оно от Георга Кармина. Похоже, он «созрел».

— Ох, ну наконец-то, — сказал Юлий. — Я слышал о быстрых, жестоких атаках, которые он проводил в молодости, не давая нам времени перевести дыхание. Для человека таких способностей он действовал ужасно медленно.

— Уверен, дело в том, что он состарился, — сказал его отец. Если бы его ум всё ещё был при нём, он бы никогда не принял наше предложение.

— Действительно...

Когда Юлий вернул ему документ, Гай поднялся со своего места.

— Мы начнём исполнять план, когда новый король объявит войну. Отправьте «подкрепления» в королевство.

— О?.. И какой стороне?

— Какой? Королю мы скажем, что мы с тремя герцогами, а трём герцогам — что мы с новым королём.

— Понятно, — сказал Юлий. — В таком случае нам не нужно выполнять приказы какой-либо из сторон.

— Хе-хе-хе. Точно.

Гай и Юлий посмотрели друг на друга и зловеще ухмыльнулись.

Но рядом была та, кто смотрела на это холодным взором.

«Боже мой... Порой я просто не знаю, что мне делать с моим стариком и идиотом-братцем».

Холодный взор принадлежал молодой девушке.

Ей было 16-17 лет. Её лицо напоминало красивое лицо её брата Юлия, но оно не источало его жестокость. Её глаза были маленькими и блестящими, и со своим круглым лицом она обладала очарованием куклы тануки. Её длинные волосы были собраны в два хвоста на загривке. Эта девушка была первой принцессой княжества, Ророа Амидония. Однако, вопреки её внешнему виду, её внутренний голос в выражениях не сдерживался (и имел торгашеский акцент).

«Наша страна и так ненадолго задержится в этом мире. Неужели эти идиоты намерены сократить и без того жалкие остатки времени?», думала она.

Амидония была горной страной. Она обладала большими залежами металлов, но пахотных земель было мало, из-за чего в ней были постоянные проблемы с продовольствием. В соседнем Эльфридене тоже был продовольственный кризис, но он не был ни в какое сравнение с тем, с чем столкнулась эта страна. Даже слегка плохой урожай приведёт к тому, что люди начнут умирать от голода.

«Я понимаю, почему старик желает получить для нас хотя бы немного больше плодородных земель, правда понимаю, но старик тратит все деньги, которые я с таким трудом сэкономила для него, на армию», — в расстройстве заскрипела зубами Ророа.

Ророа мало того что была принцессой, но и обладала сверхъестественным деловым чутьём, и она из тени занималась финансовыми делами страны. Переведя экономику на торговлю с другими странами, она ограничивала экспорт ресурсов и поощряла экспорт готовых товаров, руководствуясь защитой и развитием собственного производства. Можно сказать, что Амидония, находившаяся на грани экономической катастрофы, до сих пор не разорилась только благодаря денежному чутью Ророа.

Однако Гай не лучшим образом воспользовался способностью Ророа зарабатывать деньги.

«Если бы они вложили средства, которые я заработала, в развитие промышленности, то могли бы получить ещё больше денег. Но нет, эти ничего не смыслящие в экономике и помешанные на войне олухи тратят все деньги на военные нужды. Что ещё хуже, так это то, что они искренне верят: «Если мы нарастим военную мощь, то сможем получить всё, что нам нужно». Они совсем дебилы? Ты тратишь деньги, чтобы зарабатывать деньги, это важный цикл. А если ты просто вливаешь деньги во что-то, это называется расточительством! ...Но даже если бы я заорала на них, они бы, наверное, даже не стали меня слушать...»

— Эй, Ророа, ты согласна? — спросил её брат.

— Да, брат. — Когда разговор внезапно сместился к ней, Ророа ответила с широкой фальшивой улыбкой. На самом деле она не слышала ни слова из их разговора...

«...Это, может быть, конец для нашей страны. Эх, как же я завидую Эльфридену. С их большим населением у них должно быть много денег с налогов, которые можно пустить в дело, и, самое

главное, у них есть король, который мог бы понять, о чём я говорю. Честно говорю, я так завидую кошельку нашего соседа... Его кошельку?»

В этот момент Ророа пришло озарение.

«Если я завидую кошельку соседа... Почему бы мне просто не объединить его кошелёк с моим? Провернуть это наиболее законным способом... Получится ли у меня?.. Ага, думаю, получится. В таком случае, мне нужно связаться со стариком, который охраняет Нелву...»

Ророа начала формулировать свой план. Высокий риск — высокая отдача.

Говорят, что когда Ророа взялась за величайшую интригу в своей жизни, её улыбка немного походила на улыбки её отца и брата.

◇ ◇ ◇

Парнам, столица королевства Эльфриден.

В рабочем кабинете я выслушал последний доклад от Хакуи о продовольственном кризисе.

— Как вы можете увидеть в прилагаемых документах, мы можем ожидать хороший осенний урожай. Кроме того, созданная вами транспортная сеть увеличила передвижение людей, и теперь товары распространяются по всей стране, устраняя их переизбыток или нехваток. Это, конечно же, касается и продуктов питания. Исходя из этих фактов, я считаю, что мы можем рассматривать продовольственный кризис более-менее решённой проблемой.

— Рад это слышать, — сказал я. — Весь наш тяжкий труд был не напрасен.

Это был долгий путь, но теперь я, наконец-то, могу взять передышку. Поскольку я уделял этой проблеме всё своё время, этот момент для меня был особенно эмоциональным. Однако...

— Теперь мы можем спокойно приступить к следующему этапу, — игнорируя моё сентиментальное настроение, сказал Хакуя.

«...Следующий этап, да?»

— Нам... в самом деле нужно это сделать, да? — спросил я.

— Это давит на вас? — спросил он.

— Ну, да. Я понимаю, что это необходимо сделать, но...

Да. Это было необходимо.

Политический мыслитель Макиавелли сказал в своём «Государе»:

«Если государь приложит руку в акте жестокости, то, даже совершённый в мирные времена, он поставит своё положение под угрозу. Но, даже когда некоторые государи не сдерживали себя, никаких восстаний или вторжений иноземцев не было. Причина этого в том, как правитель воспользовался своим проявлением жестокости — с хорошими или плохими целями»

«Опытный человек будет жесток в том случае, когда над ним нависла опасность. После устранения угрозы он бы решительно отказался от дальнейших актов жестокости и вернулся к такому правлению, которое бы насколько возможно удовлетворяло общественным интересам.»

В таком случае он будет называться мудрым государем. И наоборот, если он начал своё правление со зла и в дальнейшем раз за разом совершал акты жестокости, то это неправильное использование жестокости»

Из-за этих изречений гуманисты христианской церкви долгое время критиковали «Государя». Однако упомянутая здесь жестокость — это не действия типа массовых убийств простых людей. Он говорил об использовании хитрости, чтобы раз и навсегда разобраться со своими политическими оппонентами.

Если сумеешь укрепить свою власть с помощью одного акта жестокости, а затем хорошо управлять, то народ будет счастлив. С другой стороны, если всё время беспокоиться о том, что замыслили твои политические оппоненты, и не проводить какую-нибудь стоящую политику, если не удалить корень неприятностей одним ударом, а снова и снова вычищать предателей, то в результате потеряешь доверие своих поданных.

Чезаре Борджиа, которого Макиавелли считал идеальным правителем, обеспечил себе абсолютную власть, уничтожив влиятельных дворян, которых он пригласил к себе на пир.

Ода Нобунага с умом использовал свою жестокость, за очень короткое время возвысившись с провинциального до великого даймё. Однако чрезмерное использование жестокости стоило ему жизни: в конечном итоге он был предан своим вассалом и убит.

Другими словами, жестокость — это драгоценный меч государя, который может разрубить что угодно, но если слишком часто его использовать, он станет проклятым мечом, который рано или поздно уничтожит своего владельца.

— Как я уже говорил, — сказал я, — я считаю твой план жестоким.

— Да, — согласился он. — Но вы также сказали: «Если мы сделаем это, то должны закончить всё одним ударом».

— Полагаю, ты сможешь так сделать? — спросил я.

— Приготовления уже завершены.

— ...Тогда хорошо.

Я мог бы сказать, что это делается ради страны, но я не испытывал сильной привязанности к этому месту.

Это было и не ради справедливости или по какой-то великой причине. Но когда я спросил себя, зачем я это делаю, у меня в сознании появились лица Лисии и остальных. Улыбающиеся лица тех, кто жил в этой стране: Лисии, Аиши, Джуны и Томоэ.

Я подумал об узах, которые потерял в старом мире. Подумал об узах, которых я создал в новом мире.

Я уже думал об этих девушках как о своей семье.

«Казуя, создай семью. А когда создашь, защищай её, чего бы это ни стоило».

«...Я знаю, дедушка. Я буду защищать свою семью до самого конца, что бы ни встало на нашем пути».

Чтобы сделать это, на один раз я готов стать жестоким королём.

— Приступаем к «покорению».

<http://tl.rulate.ru/book/31927/1820533>